

ЭКСПРЕССИВНАЯ ДОМИНАНТА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Несмотря на разнообразие принятых форм художественного осмысления мира, в поэтическом языке присутствуют определенные экспрессивные доминанты, представляющие собой отражение общих типических черт образно-языкового сознания и вербализованные конкретными языковыми средствами. Поэтический текст стимулирует проявление потенциальной экспрессивности языковых единиц и одновременно является результатом их деятельности. Употребление экспрессивов связано с выдвижением, причем их акцентирование вызывает у адресата определенные ассоциации, направляющие интерпретацию текста. Чтобы усилить образ, подсказать интенциональное значение лексемы, поэт выбирает лексемы из определенного круга значений. Показательно в этом отношении творчество Н. Матвеевой.

В поэтической речи активно используются повторы однокоренных дериватов, имеющих клишированные языковые модели типа *полным-полно*. Однако в результате ситуативной необходимости, обусловленной контекстом, повтор-клише может модифицироваться в повтор, значение которого осложняется семантической добавкой-интенсификатором.

Обратимся к стихотворению “Река” Н. Матвеевой. На фоне стиховых новелл поэтического текста происходит ступенчатое развертывание темы от двучастных микротем к их пересечению. Вначале интенсивный признак ощущения одиночества, как бы развивая потенциально заданные возможности, эмоционально нарастает. Эта градация фиксируется рядом однокоренных дериватов *одна, совсем одна, нет одной*, в котором каждый последующий компонент сильнее и интенсивнее предыдущего, причем наличие в структуре последнего *одной* суффикса компаратива *-ей*, иррадирующего сему интенсивности на значение корня, как бы исчерпывает ресурс нарастания

признака. Затем авторское восприятие одиночного плавания Гека Финна репрезентируется повтором *один – одишешенек – одинок*, соединение элементов которого представляется результатом аффективной речи “я”-субъекта, вызванного неудовлетворенностью фиксированного средства повтора *один – одишешенек* для достижения иллокутивной цели. Экспрессивная информация повтора-клише *один-одишешенек*, усиленная введением семантического модификатора *одинок*, приобретает более непосредственный характер воздействия на эмоциональную реакцию адресата, вызывая абсолютное преувеличение ощущения одиночества. Наложение одного восприятия на другое гиперболизирует состояние одиночества, выражение которого носит уже синтетический характер: *Но один, один — до того один! Да и я — до того одна!*, где элементы повтора *до того один/одна* выступают как расширитель интенсивного признака. Таким образом, целостную структуру этого стихотворения организует повтор однокоренных дериватов *одна; совсем одна; нет одной; один – одишешенек – одинок; один, один — до того один!; до того одна!*, который, проецируясь в разные пространственно-временные плоскости (*комната-зрелость/река-детство*), эксплицирует экспрессивную доминанту текста – ощущение одиночества вне временных и пространственных границ.

В текстовом пространстве характер связей между повторяющимися лексемами квалифицируется и по линии лексической семантики, и по линии деривационного значения. В этом случае корневой повтор проявляется в актуализации корня в ряде контекстуально соположенных слов и в виде своеобразного этимологического анализа, выполняемого непосредственно в стихотворной строке. Это прослеживается и в стихотворении “Сводники” Н. Матвеевой. Интегральное положение в одном контексте дериватов *сводник-свод, сводника со своднею сведет* актуализирует этимологию корня *-вод- /-вед-*, высечивая одно из его периферийных значений “имеющий отношение к браку” при смещении оценочного значения с нейтрального на негативное. Тем самым корневой повтор создает концентрацию образа *сводник* путем восстановления внутренней формы, наделяя его крайне отрицательной оценкой: *Вообрази, что он такой же, как негодник – способный на подлость человек*. Это находит отражение и в выстраиваемой Н. Матвеевой оценочной параллели “равный равному”: *негодник-негодница тождественны своднику-сводне*. Поэтическая этимология создает мотивированность лексем *бирюлька-бирюк* на основе установления мнимого структурного подобия и мотивационных связей *бирюк → бирюлька по типу артист → артистка*. Эти подобия провоцируют семантическое переосмысление лексем в тексте: *бирюк – “угрюмый труженик” (бирюк-работник) и бирюлька – “изящная веселая бездельница” (в результате лексического стяжения идиомы играть в бирюльки → бирюлька)*. Парадоксальность созданного семан-

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

тического подобия этих лексем усиливается благодаря заданной авторской интенции “равный равному”, основанной на ложной аналогии этимологической интерпретации этих слов: *бирюк* и *бирюлька* “восходят” к единому корню -бир- “брат”, что реализуется в тексте в виде тождественности значения лексем – “брат для себя”. Устранению скрытой антитезы “труженик – бездельник” также способствует одинаково ироничное употребление лексем в строке: *К бирюльке в плен идет бирюк работник.*